Генри Шепард

Письмо по поводу локализации и попытке хронологии мифологии

Являясь участником возможности положить начало той новой тенденции в гуманитарных науках, на основе которой может начаться доказуемая попытка хронологизировать и локализовать конкретную мифологию, и другие религиозные концепции вплоть до совсем маленькой конкретной территории предлагается проанализировать одну такую тенденцию в науке.

Что имеется в виду, когда я говорю об этом как тенденции? Исходя из моего опыта (замечу, исключая мои исследования) это уже несколько статей отдельно и специально связанные с этой тематикой последних двадцати с лишним лет (статьи Николаевой и статьи четы Энтони к примеру на английском). Разумеется эти вопросы, в виде частных предположений, поднимались и в других более ранних исследованиях. Даже на заре нашей цивилизации и даже в виде отдельного труда. Как к примеру в Паросской Хронике, Хронике Евсевия и других. Но прошла целая вечность между ними и этими статьями. Как в смысле времени, так и в смысле самой концепции, методологии и критериев анализа. Глубина, общезначимость для современной науки и культуры этой тенденции, а также вопросов поднятых в анализируемых ниже статьях настолько своевременны и важны именно сегодня, что разбирать это только по конкретным положениям без раскрытия предпосылок и понимания теории познания просто невозможно.

Жанр «письма» выбран по нескольким причинам. По одной, есть уверенность что никакая истина не рождается в спорах. Возьмите в качестве крайнего примера спор двух фанатиков, чтобы понять о чем говорится. Однако в «письме» вести дискуссию вполне целесообразно. Это не привязывает к какому то определенному языку описания или отрасли науки.

По-другой, положение независимого неакадемического исследователя находится в разных весовых категориях к той научной реальности, которая царила всегда и сейчас в академическом мире[1]. Где нередко истинность знания отождествляется с его научностью и наоборот. Где тенденция отказа от категории истины проявляется в предложениях заменить ее понятиями достоверности, правдоподобия, смысла, создает ситуацию парадоксальной самореференции. Однако верная категория истины в наше время – это ни отсутствие сомнения, ни польза, ни мнение большинства, ни соглашение ученых, ни свидетельство авторитета. Когда-то, к примеру, большинство ученых разделяло ошибочное «научное» мнение (движение Солнца вокруг Земли), и наоборот, признавало неверной правильную идею и т.д.. Где же тогда в таком случае запрос общества у академической науки на соответствие знания объекту в том смысле, как это четко

[1] Вспомним, что Пифагор в свое время утверждал: «*Иные… рождаются жадными до славы и наживы, между тем как философы – до единой только истины*» [Царегородцев Г. И., Шингаров Г. Х., Губанов Н. И. Философия: учебник.4-е изд. М. : Изд-во СГУ, 2012: 15].

выразил Р. Декарт: «*истина… означает соответствие мысли предмету*»? С Вашего позволения, где здесь остается место критериям истине?

Этот феномен в академической науке, который мной ниже будет проанализирован, может возникать в тех случаях, когда язык описания одной науки используется для описания в другой. Научное знание оказывается куда более дисциплинарным, чем это требуется для познания истины и поэтому всякое научное знание в первую очередь дисциплинарно, а во вторую научно. При этом нередко истинность знания отождествляется с его научностью. Однако хорошо показано различие между критериями научности и критериями истинности знания[2].

Мы можем свидетельствовать о чем-то как о факте - только в рамках определенного языка[3]. Проблема понимания в нашем случае сводится к простому вопросу - что признается за «факт», а что нет? Что понимается под ним? Все дело в языке описания. Археологи имеют свой язык, - антропологи, социологи, лингвисты, историографы и др. свой. Но по сути, когда говорится о границе между наукой и не наукой, то фактом признается то, что описывается языком описания данной науки. Поэтому один и тот же объект или предмет описанный языком археологии - для антрополога или лингвиста оценивается как ненаучный. И наоборот.

Все гуманитарные исторические науки являются предметом социологии. Социология истории это то, что делает изучение прошлого с помощью археологии - наукой. Без этой социологии и ее методов - археология — это наука о предметах находящихся под слоем почвы. Причем как их некий каталог или реестр предметов и объектов. Как только археологи пытаются увидеть связи этих предметов при описании того общества, то это делается методами других научных дисциплин (социологии, истории религии и т.п.) - наук о общественных отношениях и культуре того общества, обнаруженные материальные свидетельства которого на него могут указывать. Но единственное, как можно это преодолеть, это когда эти факты анализируется междисциплинарно и когерентно, а не исключительно дисциплинарно, но когда в качестве истины понимают знание, согласованное с другим знанием из другой области науки, логическая непротиворечиво, системно, целостно.

Теперь непосредственно к отдельным положениям и общей тенденции с точки зрения методологии науки. Сама попытка локализации и датирования мифов и древних религиозных представлений заслуживает особого внимания, как одной из самых ранних черт появившегося в истории человечества духовного производства. Но, забегая вперед, следует отметить, что предлагаемый ниже критический анализ статей касается только вопроса выбора материала, критериев истиности, методов и доводов авторов заявленным целям, но не самой возможности локализовывать и хронологизировать мифологию. Убежден в успешной возможности и необходимости этого, но с учётом всех верных критериев и ньюансов.

В вопросе привязки исторических сказаний к территории необходимо учитывать исторические реалии, чтобы не оказаться в роли культурного интерпретатора современного исследователя, рассматривающего древность современными категориями и нынешними понятиями и

---

[2] Н. И. Губанов и др. *Критерии истинности и научности знания*. Философия и общество, № 3 2016 78–95

[3] Почему происходит институционализация науки? Об этом рассказывает кандидат социологических наук Виктор Вахштайн. https://www.youtube.com/watch?v=blhTkFaYRo8

терминами. Во-первых, - не было у исконных сказителей никаких географических представлений поэтому невозможно найти прямого указания о территории описания, но возможно только путём каких-то сопоставлений корней языков в ономастике с корнями персонажей и окружения в фабулах сказаний, и легенд. Во-вторых, - корни слов хоть и сохранились, но претерпели со временем изменение форм, иногда до неузнаваемости в связи с тем, что сказители не только передавали эти истории своим потомкам вертикально, но распространялись горизонтально в пространстве современных им народов и территорий путем культурного обмена, торговли, завоеваний и прочего. Часто это осваивалось горизонтально народами разных языковых семей. И уже в среде новых языков эти слова и корни видоизменялись, порой теряя их оригинальный смысл и значение.

Древние демографические движения населения и распространение популяций часто оставляют устойчивые отпечатки в культурных традициях их потомков, их языках, а также возможно в их генах. Международная датабаза фольклора издавна рассматривается как богатый контекст для изучения этого наследия. Анализируемые ниже статьи не использовали этот дедуктивный систематический и обширный со всех точек зрения источник. На сегодняшний день исследования в этой области были сложными из-за нехватки исторических данных и влияния более недавних волн распространения популяций. Появились новые методы решения этих проблем, применяя сравнительные филогенетические методы и аутологическое моделирование для анализа взаимосвязей между народными сказаниями, популяционной историей и географическими расстояниями в индоевропейско-язычных и других обществах. Найдена устойчивая корреляция между распределением ряда народных сказаний и филогенетическими, но не пространственными, ассоциациями между популяциями, которые согласуются с вертикальными процессами культурного наследования. Однако, ныне такие проблемы, которые поднимались нами уже почти двадцать лет назад, решаются, используя количественные филогенетические методы, которые были первоначально разработаны в биологии и недавно использовались для исследования взаимосвязей между популяционной историей и рядом культурных явлений, таких как языки, структура семьи и родственные связи, политические институты, материальная культура и даже музыка. Ничего из этого в критически анализированных статьях нет.

Прежде чем начать конкретный анализ утверждений в одной из статьй Николаевой[4] остановлюсь на общем вопросе и, с моей точки зрения, основном противоречии.

Интересно наблюдать как в пределах одного своего языка описания археолог в лице автора статьи с легкостью рассуждает о таких глубоких вопросах древнего мышления, частью которого было религиозное, над которыми столько времени ломали головы такие выдающиеся умы прошлого как Леви-Брюль и другие. Он предположил, что древняя культура отличается от нашей одним общим признаком: это была культура в основном, которая считала священным не целые большие куски природы, не целые большие части того что нас окружает в естественном обычном мире, а какие-то специальные отдельные части предметов, животных, человека - «партиципацио». То есть поклонение одной части чего-то. Например поклонение священной руки. Самые первые знаки,

---

[4] Николаева Н.А. *Мифология великой богини в праиндоевропейской древности* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 4. С. 33–40. DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-33-40

символы культуры в истории исскуства, в период палеолита – отпечатки пятерни одной руки. Поэтому Леви Брюль подошел к пониманию, по видимому, какого то очень важного принципа. Эта идея была подхвачена на другом уровне современными структуралистами, как к примеру Романом Якобсоном показавшим, что значение части чего-то важна для разных форм символов и знаков, которыми пользуется человек. Важно выделение части предмета из целого. А здесь мы видим рассуждение Николаевой о том, что не то что большие куски природы – лес, степь, и т.д. но и вся природа была объектом поклонения и вся в целом объектом календаря.

С именем Юнга связана выдающаяся мысль о том, что среди символов, которыми пользуется человек есть некоторые архетипы – древние символы повторяющиеся в разных культурах и могут составлять исторически основу едва ли не всех основных культур человека. Именно эта мысль в последние годы утверждается и побеждает. Мировое дерево, которое выражает всю структуру мира, лежит в основе многих значимых религий. Топоров высказал идею того, что мы все живем в эпоху «мирового древа». Мы все в той или иной степени соотнесены с мировыми религиями, которые вкладывает его в основную схему изложения представления о мире и поэтому мы все имеем отношение к поклонению одних и тех же архетипов. И в связи с этим возможно Николаева подменяет архетипы современного мышления – плодородия, воскресения и умирания - с таковыми, по которым сложно сегодня получить достоверные эмпирические объяснения и находились с неизвестно каких пор в стадии становления.

Есть общие черты древних культур, среди которых Фрейд выделял две особенности, существовавшие несколько тысяч лет до неолитической революции. Это связано с тем что камень еще использовался. Неолит здесь рассматривается как область новых типов поклонения камням. Это мышление сохранилось и немногим после неолитической революции в виде, в основном, двух явлений. Одно из них тотем – это поклонение некоторому символу, прежде всего живому символу, чаще всего животному определенного сорта и это поклонение похоже базировалось на дуальной организации, как универсальной для всех родовых первобытных культур исходной логической концепции примитивного социума. Наши предки поклонялись волку, медведю, волкомедведю, медведеволку и т.д. . Это части широко распостраненных культов поклонения отдельным животным, которые признаются священными. Они свойственны человеку как виду, который настолько посвящен в веру того, что эти животные священны. Это применительно в отношении человека к тому, кто воплощает для этого человека некоторые особенности женщины, которая предстает в новом свете для мужчины. И эта черта любви в широком смысле принадлежит людям неолитического времени. А до этого характер взаимоотношения между полами был совершенно другой, даже после появления экзогамии. Однако если следить за ходом мысли Николаевой, то получается, что никакой разницы в мировосприятии на всех этих древних, порой драматических этапах и сейчас почти не существует. То есть отсутствует критерий однозначности терминологии и понятий.

Такие мыслители как Леви-Стросс, Выготский с его работой «Мышление и речь» 1934 года, которые сумели в основном добиться верных решений проблемы культуры того древнего времени и его основных отличий от новых культур. Этапы развития ребёнка, повторяют историю развития древних. Таким образом «партисипацио» Леви-Брюля, также как «мысль дикаря» по Леви-Строссу – восходят к очень древним возможностям человека, которые только потом после неолитической революции были в этих формах реализованы. Но здесь в статье мы наблюдаем рассуждения о признаках мышления обществ задолго до неолитической революции равного

примерно уровню мышления ребенка с позиции рассуждения, после неолитической революции присущее примерно равного зрелому уровню современного человека.

Современный американский психолог Джеймс, проследил как меняется отношение к обществу, отношения ко всему в целом коллективу. Джеймс предложил идею двухпалатного мозга. Он выделил идею отношения двух полушарий мозга человека. Для человека очень важна симметрия, симметрическое соотношение левого и правого полушарий мозга. Исторически не вполне доказано каковы исторические фоны, следствия того что Джеймс назвал распадом или крушением двупалатного мозга, основанного на соединении правополушарных иррациональных в других терминах бессознательных восприятий и левополушарного логического осмысления, которое остается у современного человека. Однако в статье не учитываются такие базисные концепции мышления и различия древних типов мышления с современными. В статье прослеживается какая то схематическая, и в большей части, сложно поддающаяся эмпирической проверке достоверности в части других аспектов кроме археологических и весьма схематически отраженных, а также не широко общепринятых лингвистических теорий и аспектов истории появления той или иной мифологии, или мировоззрения.

Идея спасения и связанная с ней концепция самого существования религиозной потребности в культе плодородия, и других культов существовали с незапамятных времен, если под этим понимать освобождение от нужды, голода, засухи, болезни и, наконец, от страданий и смерти. Но свое специфическое значение спасение обрело лишь тогда, когда оно стало выражением систематически-рационализированной картины мира и отношения к нему. Ибо это представление о мире и отношение к нему определяли, что означало и могло означать по своему смыслу и психологическому качеству спасение. Интересы (материальные и духовные), а не идеи непосредственно господствуют над деятельностью людей, но и «образы мира», создаваемые «идеями», очень часто служили вехами, указывающими путь, по которому следовала динамика интересов. Иначе, сама по себе идея бессмертия и ее формы в виде анализируемых здесь культов так и не смогла бы пройти этапы ее эволюции. Картина мира определяла ведь, «от чего» и «в чем» искали спасения и – об этом надлежит помнить - могли его обрести[5]. Это обеспечивало «жизнь» культам и религиям. Не совсем понятно почему в статье отсутствует внимание к проблеме того, каким образом можно получить достоверные доказательства о том, как себя соотносили авторы статуэток оцениваемых как богинь плодородия и богов умирающих и воскресающих по которым делались выводы, - с идеей плодородия или умирания и воскрешения, и каким образом они видели спасение и видели ли это вообще? Как именно они это понимали хотябы из позиций основ религиоведения? Согласно классику социологии религии и известному религиоведу Максу Веберу присутствует отличие примитивных форм от форм объединения длительной религиозной деятельности. В статье Николаевой весь анализ базируется на идее того, что эти культы не достаточным образом эволюционировали, а оставались почти неизмененными тысячелетиями сквозь существующие социально экономические потрясения на такой огромной территории описания, включая большие части целых материков да еще как будто взаимосвязь обусловлена только вертикальными процессами культурного наследования. Отличие заключалось в том, что вера в спасение примитивного общества палеолита была чисто магически-

[5] М.Вебер. Избранные произведения. М.,1990 Хозяйственная этика мировых религий. Попытка сравнительного исследования в области социологии религии М.,1990, с.52-54

анимистической и не содержала или содержала только в дальних подступах свойственную всякому религиозному рационализму связь с универсальной космической прагматикой спасения. Нет возможности удостовериться эмпирически что это было? Был ли это примитивный предрасудок с помощью какой то магии, которой он систематически удовлетворял потребность в спасении или это был культ с примитивными формами священнослужителей и признаками общественной религиозности? А именно это играло важную роль в эволюции понятий и разнообразии культовых форм.

Земледельцы, которые изучались эмпирически по описаниям из античности и эмпирически изучаемые современными полевыми антропологами наблюдая за племенами, находящимися на низких стадиях развития обнаруживали, что все они тесно связанны с природой и во всем своем хозяйственном существовании зависели и зависят от элементарных природных сил. Им была настолько близка магия - заклинание духов, пребывающих в силах природы или над ними, или простое обретение расположения божества, что вырвать их из этой исконной формы религиозности могло лишь глубокое преобразование всей жизненной ориентации, произведенное либо другими слоями общества, либо мощными пророками, легитимизированными в качестве колдунов[6]. В статье факт поклонения и в форме вполне относительно современно антропоморфного культа принята как данность и нет анализа таких обстоятельств, которые бы доказывали вероятность того, что и как им удавалось преодолеть магически стереотипизированную примитивную традицию стадии анимизма и тотемизма.

По Максу Веберу показать, что предпосылкой для возникновения веры в духов служат определенные экономические условия, невозможно и границы перехода от доанимистического натурализма к символизму расплывчаты[7]. Хотя это важная мысль религиоведа и одного из ведущих социологов религии не учтена с статье и напротив в ней приводится развитие этих культов исходя из только экономических условий[8].

Предположения о происхождении культов делаются на основании только визуального «чтения» функций глядя на «*древнейшую коллекцию скульптуры ВБ*» и основаны на одной из многих не общепризнанных классификаций языковых семей и их связей, и это не скрывается. А когда эти постулаты используются, то нет указаний на то, что это не общепризнано и что есть другие классификации языковых семей и отсутствует анализ этих материалов с этих позиций. Это выглядит неоправданным опущением.

Автор находит принципиально объединяющее в обоих выбранных мифах, раз очевидна такая выборочность этих конкретных двух: «*смысл мифов о ВБ един. Это – поэтическое объяснение растительного цикла, связанного с круговоротом воды в природе. Ритуал, переданный в мифе, направлен на обеспечение хорошего урожая и трактуется, как связь ВБ с владыкой подземных вод, хтоническим божеством вегетативной силы прорастания зерна. Роль бога-громовника*

---

[6] М.Вебер. Избранные произведения. М.,1990 Хозяйственная этика мировых религий. Попытка сравнительного исследования в области социологии религии М.,1990, с.57

[7] М.Вебер, М., 1990, с.78, 83

[8] Николаева Н.А. Мифология великой богини в праиндоевропейской древности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 4. С. 37

заключается в воссоединении небесных и подземных вод посредством молнии, поражающей хтонического бога»[9]. Во-первых, с чего взято, что это поэзия финального палеолита? Разве показано кем-то и когда то или самим автором, где и когда появилась поэзия, даже если это образное выражение? Во-вторых, связь растительного цикла с круговоротом воды в природе. Неужели в палеолите были такие прямо таки научные продвинутые представления круговорота чего бы то там бы нибыло? Это похоже на культурную практику современного исследователя с позиции современных терминов и понятий.

Первобытный человек еще не задавался вопросом о происхождении мира, вещей, животных и людей (историзм мышления не шел дальше дуальной организации), но показано уже возникновение первого примитивного прото-мифа в разнообразных формах у разных народов – прото-мифы о близнецах. Сама идея близнечности вполне могла отражать мотив первоначальной неразделенности земли и неба при том, что уже имелась концепция дуальности, как результат выделения некого признака из натурального зрительного окружения и следующего этапа группирования этих признаков по принципу противоположности. По убеждению А.М. Золотарева, первые попытки осознать некоторые связи между явлениями, не входящими в сферу непосредственного трудового опыта, привели к возникновению мифологии. Хотя современное понимание мифологии предусматривает некий контекст основанный на уже существующем историзме мышления. Просто тот первоначальный прото-миф мог предполагать некие отношения субъектов заданных только как данность. Не дальше этого. И важный компонент в этом наблюдении само понимание ими факта взаимосвязи и соотношений, а также принцип разделения и неразделённости этих взаимосвязей и соотношений. Это не простое любопытство: первый миф был обусловлен социальными потребностями (его породила дуальная организация)[10]. Архаический миф (прото-миф) отвечал на дуальное разделение видимого пространства и общества, универсальное для всех первобытных социумов, тем что оно было введено братьями-близнецами (в готовом виде вышедшими из камня или дерева) – идея сотворения людей, тогда как историзм мышления еще не был развит до неолитизации. Происхождение этого образа до неолитизации, по мнению Л. Я. Штернберга, связывается из природно-обусловленного отношения людей к реальным близнецам и положительному факту их рождения и поэтому могли связывать этот образ с плодородием[11]. Но если эти соображения имели место быть в действительности, то получается, что в примитивном дорелигиозном мышлении, одной из вероятностей связи феномена близнечности с идеей плодородия из их видения неразделенности двух частей природы (земли и неба) могла сформироваться в отдельный логический, но все еще основанный на рационализировании абстрактный концепт. Но от концепта до культа есть расстояние во времени. В статье полностью отсутствует, что это была за преемственность в новом видении абстрактной идеи плодородия, какие предпосылки хотя бы теоретически могли привести к тому культу плодородия, умирающему и воскресающему богу, календаному мифу который видится автору? Была ли какая то новая или другая идея или новое обстоятельство, порождающие эволюцию первобытного мышления кроме экономической?

---

[9] Николаева Н.А. Мифология, 2016, стр.37

[10] И. С. Верстин. Первобытное мышление и концепция бинарных оппозиций А. М. Золотарева// История философской мысли, Вестник РЭУ, 2013. № 6, 55-62

[11] Штернберг, Л. Я. *Первобытная религия в свете этнографии*. Л., 1936.

Теория социологии религии и религиоведение предлагают несколько идей и обстоятельств. Тем более, что теоретиками и основателями названных научных дисциплин было хорошо показано транформация близнечных мифов в мифы культурных героев, деятельность которых семантически связана с культами плодородия, Богинь-Матерей, а также связанного и ними Умирания и воскрешения.

Если подойти к смыслу вложенному в культе плодородия, выраженному в мифах о Великой Богине и мифе о умирающем и воскресающем боге (иногда животном), то он достовернее заключается в идее бессмертия, как признаке той ступени развития первобытного общества, когда уже появился «историзм мышления», «прелогическое мышление» по Леви-Брюлю[12], где «прелогическое» и логическое взаимно переплеталось, появилась концепция «*бога, который в некоем смысле олицетворяет жизнь природы, приходящую и уходящую вместе с временами года*»[13]. Бессмертие может пониматься как что-то присущее природе в качестве атрибута божества и как неограниченно долгого существования чего бы то ни было. Причем историками религий показано, что это совсем не то, что сегодня понимается под термином «бог».

Если обратить внимание на эволюцию представлений о бессмертии через все регионы и периоды в развитии образов манифестировавших эту идею, то обращает на себя внимание, наряду с довольно разнящимся разнообразием, главным образом реформирование этого представления. Идея бессмертия встречается, в той или иной форме, у всех древних народов, хоть это не достаточно основательно описано до сих пор. И хоть это никем убедительно не было показано, все же этот феномен можно было бы отнести предварительно к случаю, по большей части, универсальности и врождённости в человеческой натуре. Бессмертие являлось центральной идеей самого раннего из обнаруженных до сих пор литературных произведений у шумеров. У индоевропейских греков и семитов под бессмертием понималось призрачное существование в царстве теней («аид» — у греков, «шеол» — у евреев). В индоевропейской Индии и афразийском Египте господствовало учение о переселении душ. При таком смешении представлений одной идеи с языковой точки зрения, когда с одной стороны в пределах одной языковой семьи явно видны такие разные представления и с другой в разных языковых семьях одинаковые. В статье Николаевой этому важному обстоятельству не придается значение, но целесообразно было бы быть одним из основных предметов внимания. Напротив в ней этот феномен духовной культуры представлен как постадийная эволюция единого образа во всей тогдашней цивилизации сквозь все языковые семьи такого обширного региона ведущего истоки из одного Карпатско-Полесского. Еще одно неоправданное упрощение.

Давайте посмотрим какой наиболее объективный фактологический материал возможно выделить из исследуемых с разных дисциплинарных точек зрения исследования мифологических образов, в основе которого лежала идея бессмертия. Что мы понимаем в этой идее глядя на историю ее развития, начиная со сведений об образах бессмертия после появления письменности? Первое что приходит на ум это месопотамская, древнегреческая и ведическая культурные традиции, в которых это выражено не только в аттрибутике мифологических образов. Боги Древней Греции

---

[12] Lévy-Bruhl L. *Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures*. – Paris: Felix Alcan, 1910

[13] Отто Б. *Приносимый в жертву бог*. Перевод с немецкого А.А. Молчанова// Вестник древней истории. 1996. № 2, 103

вкушали амброзию, боги Древней Индии — амриту, иранские боги — хаому, боги Древнего Египта пили воду бессмертия, шумерские боги и герои искали растение дающее бессмертие.

Именно у шумеров видение бессмертия в виде растения его приносящее, на поиск которого пустился в опасное далекое путешествие главный герой Гильгамеш выражено в одной из древнейших письменных памятников. Этот эпос - самое ранее описанное свидетельство о бессмертии, написанный как известно в XVIII—XVII веке до н. э., повествующих о событиях XXVII — начала XXVI веков до н. э.. Вот это есть наиболее реалистичная основа построения хронологии и локализации идеи лежащей в основе образа умирающего и воскресающегося бога. Идея принадлежащая «евразийски-говорящей» популяции, в лексиконе которой большое количество праиндоевропейских корней. Никакой «*месопотамской шумеро-семитской мифологии*[14]» в этом контексте не могло существовавать лишь даже потому, что преемственность этого представления о бессмертии очевидна от шумеров к семитам, а не наоборот. Также и потому, что исходя из сюжета, Гильгамеш путешествует за пределы шумеров куда то далеко на север, в противоположную сторону от семитов, где кстати обитает его древний предок уже обладавший бессмертием и «знающий» ее «секрет». Насколько далеко во времени отстоит герой эпоса Гильгамеш XXVII века до н.э. от его предка Зиусудры (Утнапиштима), только предстоит анализировать с допущением, что этот предок похоже жил во время одного из реальных потопов. В финальном палеолите Черное море, которое вероятно ранее было пресноводным озером, наполнилось соленой морской водой. Повышение уровня моря и его наступление на берега продолжалось до шестого тысячелетия до нашей эры[15] и может быть кандидатом на датировку бессмертного мифического предка Гильгамеша. И даже если это соответствовало бы действительности, то первый кто приобрел бы индивидуальное бессмертие отстоял во времени на примерно восемь - девять тысяч лет от нижней точки датировки Николаевой.

Отсутствует обсуждение в статье основных понятий в истории религии, антропологической культурологии как одного из черт первобытного религиозного мировоззрения - понятия «*дух-хозяин*»[16]. В какой форме первобытное мышление актуализировало фигуры таких культов? Духа, демона или чего то другого? Культовая конкретика и в чем суть главного объекта поиска, в которой возможно заключены ключи к разгадке истоков и всего, на что направлен анализ остается

---

[14] Николаева Н.А. *Мифология*...2016, стр.37

[15] Тео́рия черномо́рского пото́па — научная гипотеза, согласно которой около 5600 г. до н. э. имел место масштабный катастрофический подъём уровня Чёрного моря, возможно, послуживший исторической основой легенд о Всемирном потопе. W.B. Ryan and W.C. Pitman, *Noah's Flood: The New Scientific Discoveries About the Event That Changed History* New York: Simon and Schuster, 1999,

[16] Дух-хозя́ин (и аналогичные ему: господин, владыка; или дух локуса, дух места, дух-покровитель места, гений места) — общеупотребительный термин первобытных религий, а также и современного фольклора, перешедший в качестве синонима божества во все высшие религии. У примитивных народов термин этот употребляется в различных значениях, в конце концов сводящихся, однако, к понятию божества. Самое раннее его значение — это хозяин того или другого вида животных или растений, существо, распоряжающееся ими на таких же началах, на каких человек распоряжается принадлежащим ему скотом или владычествует в кругу себе подобных. В этом смысле хозяин представляется прежде всего в форме того или другого животного или растения, только с физическим и интеллектуальным перевесом над ему подобными (теротеизм).

за пределами исследования, без которой едва ли возможно увидеть истинную историческую картину.

Обратимся к тексту: «*Два первых мифа о структуре и о сотворении мира возникли до появления индоевропейского праязыка, но являются базовыми и в индоевропейской мифологии*»[17] . Какие критерии оценки позволяют такое утверждать? Какими методами это можно верифицировать? Прямые и специальные упоминания о мифологии, и о структуре доиндоевропейского периода в древних источниках отсутствуют. Они не выделяли само понятие «индоевропейский» и «доиндоевропейский». Находки неолитических Венер, в очень общем виде, но совершенно неоднозначно может свидетельствовать о их смысле и тем более о степени их понимания структуры мироздания, о присутствии или отсутствии историзма их абстрактного мышления. Есть некие теории и гипотезы у историков религии, как к примеру Мирчи Элиаде, Макса Вебера и др.. Однако, я не встретил ни их, ни других общепризнанных историков религии, культурных антропологов, фольклеристов и мифологов в ссылках. Кроме Р.Грейвса, который был по версии русскоязычных биографов переводчиком древнегреческой литературы, литературным критиком, поэтом, а по другим источникам - historical novelist (автором исторической прозы) - автором очень неоднозначным, цитирование которого в академическом археологическом журнале было бы проблематично как минимум в вопросах догреческих мифов. Хотя отчасти допустимо в сравнительно историческом языкознании, индоевропейской компаративистике или культурной антропологии, и то в особых контекстах, но не в культрологической статье опытного археолога.

Разумеется что-то было базой для вновь сформировавшихся индоевропейцев и их представлениях о мироздании. Но, к примеру, история религий как наука имеет ряд фундаментальных проблем понимания. Фраза «*логично было бы допустить, что культ плодородия и связанный с ним календарный миф возник впервые там же, у земледельцев*»[18] правдоподобна, общепринята в смысле обстоятельств появления. Все же важно знать зачем конкретно им нужен был такой культ, и вероятно это не то, что нам сегодня об этом думается. К тому, сам концепт и проявление этого культа от первых земледельцев прошел огромный исторический путь между появлением и тем временем, когда он впервые стал известен по самым первым письменным источникам. В свою очередь, они были написаны языком понимания своей эпохи, точно ненаучным (понятия науки отсутствовало) и едва ли тождественнен современному. Как ни парадоксально констатировать, но однако до сих пор даже нет в этой науке четкого понимания точного смысла первичной базовой религиозной терминологии, время и место их происхождения - бог, религия, жертва, священное, бессмертие и многих других терминов. Все же, в этой науке есть авторы, даже без знания смысла базовой терминологии, но которые далеко продвинулись в антропологическом понимании религиозного феномена. Имеются более ни менее общеприемлемые объяснения, поэтому в статье отсутствуют ссылки признанных экспертов, таких как социолог религии и религиовед Макс Вебер[19] и других. Их нет в ссылках, хотя расскрыть в должной мере такую глубокую тематику едва ли под силу языком описания одной лишь археологии. А эта статья именно так и была написана

---

[17] Николаева Н.А. Мифология...2016, стр.34

[18] Николаева Н.А. Мифология...2016, стр.34

[19] Хотя бы Макса Вебера трехтомной работы «Статьи по социологии религии», или Вебер М. *Избранные произведения*. М., 1990

судя по ее заявленным проблемам, и гигантскому хронологическому и социально-культурному охвату мировой архаики. Макс Вебер к примеру отметил, что основой подобных верований часто служила примитивная мифологизация природы. Духи, ведавшие появлением и отмиранием растений, стали по приемуществу объектами мифов о страдающем, умирающем и воскресающем Боге[20].

Говоря о появлении мифического или религиозного, критерием оценки истины должно быть архаический образ мышления. Чтобы исследовать это по находкам археологу уместно было бы – кроме одной археологической смекалки, также использовать эмпирические наблюдения полевых культурных антропологов за современными людьми доклассового устройства, живущими вне пределов развитой цивилизации, а также информацию смежных дисциплин – социологии прошлого, исторической лингвистики и др. А без этого, как можно проверить достоверность знания и соответствие действительности? К примеру, для того чтобы понять древнеанатолийские тексты известный лингвист и семиотик Вячеслав Всеволодович Иванов изучал приматов в Сухумском заповеднике на шимпанзе. Этот опыт помог ему в том как работает мозг и в понимании сложных смыслов переводимых древних текстов.

В период предшествующий неолитической революции архаический человек не мог иметь понимание сверхестественного и всех его соответствующих проявлений в таких же современных терминах, исходя из живого опытного исследования мышления людей живущих в первобытном общинном обществе (в лекциях Макса Мюллера прочитанных в Лондонском Университете, известной под названием "Введение в науку о религии" 1835)

Опытные исследования мышления людей живущих в первобытной стадии развития показывает: 1) мышление было весьма ограниченно-абстрактное 2) их понимание имеет примитивный характер отношения к ним сверхестественных сущностей (благоволение или недовольство) 3) они не имеют идеи возникновения (историзм мышления) абстрактных сверхестественных сущностей и полагают их существование самим по себе, существующих уже заведомо как данное 4) сложно различить является ли это мышление как простое рационализирование или это зарождение абстрактного мышления?

По убеждению Уильяма Джеймса, «*если некий признак можно встретить и в составе других групп, вместе с другими признаками, то он начинает выделяться. Признак, который мы встречаем то в одном, то в другом объекте, вследствие этого отделяется и от того и от другого «и мало-помалу становится для нашего сознания самостоятельным представлением — абстрактом*»[21]

Разберем абзац - «*Анализируемый в статье культ Великой богини (далее ВБ) отражен в наиболее полно дошедшем до нас мифе о Великой богине и Умирающем и воскресающем боге, относящимся к календарным мифам, но тем не менее указывающим на исторические сведения о последовательности перехода от охоты, собирательства к земледелию и скотоводству*»[22].

---

[20] Макс Вебер. *Избранное. Образ общества* (Лики культуры). М., 1994 Издательство Юрист, стр.43

[21] Джемс У. *Многообразие религиозного опыта*.— Москва: Издание журнала «Русская Мысль», 1910.— Лекции I-XX.

[22] Николаева, *Мифология*..., Стр.34

Сами эти мифы, их наружный критический обзор только двумя языками описания, т.е. археологии, общей историографии и лингвистики едва ли под силу. Не соответствует критериям истины также фраза: «*указывающие на исторические сведения о последовательности перехода от охоты, собирательства к земледелию и скотоводству*»[23] когда выше задекларирован период «*финального палеолита*». Даже при несоответствии западной и русскоязычной системы хронологий исторических периодов, земледелие это докерамический неолит Б (Pre-Pottery Neolithic B, PPNB) — ранненеолитическая культура Леванта докерамического периода, IX—VII тысячелетий до н. э.. То есть, при самом оптимистическом прогнозе обнаруживается разница в, около, трех тысяч лет переходного натуфийского периода. Это неолит, не мезолит и тем более не палеолит, хотя и финальный.

Далее: «*Вопросы, поднимаемые в данной статье, следующие: 1) место рождения и пути распространения календарного мифа о ВБ и Умирающем и воскресающем боге; 2) время формирования этого мифа и возникновения собственно культа ВБ; 3)* ***этническая среда*** *возникновения культа плодородия ВБ; 4) причины распространения исходного* ***календарного праиндоевропейского мифа*** *среди не-индоевропейского населения.* ***Решение*** *этих задач следует искать* ***в финальном палеолите Карпато-Полесского региона и в докерамическом неолите Ближнего Востока***»[24]. Прежде всего в чем именно календарность этих мифов до того как анализировать их место рождения и пути распостранения? Каким образом миф стал собственно культом и где есть точные археологические или иные критерии познания периода, когда это стало культами?

Обнаруживаются явные противоречия в одной статье и даже в одном абзаце. К примеру, «*этническая среда*» и сразу здесь же «*решение этих задач следует искать в финальном палеолите*»[25], т .е видимо имеется в виду Верхний (поздний) палеолит (40—12 тыс. лет назад). Тогда с Вашего позволения, о каком это этаком «*этносе*» в даже финальном палеолите может идти речь, когда только, что придумана праща, вымирали неандертальцы, а кроманьёнцы стали оставлять расписанные пещеры и фигуры палеолитических Венер. Это не этносы – это рассы физической антропологии. Мало того, само понятия этноса «*в финальном палеолите*» если малоприемлемо, то хотя-бы весьма и весьма дискутабельно. А Николаева оперирует понятиями: «*календарный миф о ВБ и Умирающем и воскресающем боге*»[26] в палеолите. Уместно было бы отметить в данном случае, что слово «этнос» происходит от греческого (ἔθνος — народ) - «количество людей, живущих вместе; совокупность людей; нация; люди; инородные, варварские нации; класс людей; касты; племя»[27]. Даже если эта мифологическая хронология и была бы не в палеолите и вплоть до, скажем, поздней бронзы или раннего железа, то такое широкое значение термина вряд ли целесообразно использовать в этом контексте, не нарушив критерия

---

[23] Там же Стр.34

[24] Там же Стр.34

[25] Там же Стр.34

[26] Николаева, Мифология..., Стр.34

[27] LSJ, s.v. *ethnos*; Liddell, Henri George, Scott, Robert, & Jones, Henry Stuart, *A Greek-English Lexicon*. Oxford: At the Clarendon Press.

однозначности терминов. Тем более, если такое использование целесообразно и оправдано, то соответствие этносу определенной археологической культуре - старая и больная проблема археологии, до сих пор не решенная окончательно. По аналогии с современными этносами носители близкой до такой степени культуры и языка, что иногда трудно отделить местные особенности – принадлежат разным биологическим популяциям. К примеру молдаване как отдельная от румын биологическая популяция[28], но схожа по языку и культуре. То есть критерий этноса не является критерием оценки культурного, религиозного, языкового единства и тем более преемственности. И в целом это я взял для сравнение современные живые этносы, анализ которых можно проверить со всех критериев истинности. Но это же весьма и весьма ограниченный фактологический материал весьма отдаленного отрезка человеческой истории.

Отдельный вопрос - почему именно решение всего внушительного списка задач (время, место, среда, пути и причины) ложится на территорию «*Карпато-Полесского региона*»[29]? Если этот регион и имеется в виду, предположим как ареал Кукутень Трипольской археологической культуры, то пройдет еще, на минуточку, что-то около пяти тысяч лет пока там появится эта культура, в которой такое мышление, такие виды абстрактного мышления, связанного и с социально-экономической фазой развития, и образом жизни были бы возможны. Почему мой вопрос здесь связан с неолитической Кукутень-Трипольской, а не с палео-мезолитической Свидерской культурами базируется на том основании, с одной стороны - та ступень развития первобытного мышления и с другой – что раз миф всегда связан с обрядом и нет даже возможности доказательства наличия устойчивого продолжительного существования соответстующего обряда, где бы общественное спасение обрело лишь тогда, когда оно стало выражением систематически-рационализированной картины мира и отношения к нему и где для этого как минимум нужна способность к историзму абстрактного мышления. В любой палео-мезолитической культуре никакие ответы из названных вопросов едва ли могли были быть возможными по вышеперечисленным критериям истины. Или такое логическое умозаключение основано лишь только на гипотетическом праязыке и возможном ему соответствии ареологическим свидетельствам, от которого якобы возможно могли происходить индоевропейские, уральские и алтайские языки, либо древний языковой союз, обусловивший сходство базовой лексики и синтаксиса этих языковых семей? Едва ли такого уровня задачи возможны без всеоблемлющего междисциплинарного анализа, включая когнитивные эмпирические экспертизы. Говоря о полном междисциплинарном подходе к решению таких фундаментальных задач, я даже не хочу отметить, факт того, что останки свидерцев никогда не исследовались на ДНК, насколько мне известно, до сих пор. Во всяком случае из опубликованных.

В месте, где декларируется: «*неизбежно выразившийся и в переосмыслении религиозных верований предшествующего периода присваивающей экономики*» и далее «*культ плодородия и связанный с ним календарный миф возник впервые там же, у земледельцев*» Николаева делает попытку археологического соответствия в виде - «*таковы «глиняные статуарные группы в натуральную величину на каркасе из соломы или камыша, каждая из которых состоит из*

---

[28] "*Paleo-Balkan and Slavic Contributions to the Genetic Pool of Moldavians: Insights from the Y Chromosome*" Alexander Varzari , Vladimir Kharkov, Alexey G. Nikitin, Florina Raicu, Kseniya Simonova, Wolfgang Stephan, Elisabeth H. Weiss, Vadim Stepanov PLOS Published: January 16, 2013

[29] Николаева, Мифология..., Стр.34

мужской, женской и детской фигур» [9, с. 44], а также пластина из зеленого камня с изображением двух обнимающихся фигур и женщины с ребенком на руках (Чатал Гуюк) [9, с. 89, 92,рис. 30]»[30]. В чем здесь отражение переосмысления религиозных верований? То есть, археология, в лице Николаевой, понимает под видом перечисленных «*обнимающихся*» находок доказательство переосмысления религиозных верований, культ плодородия и связанный с ним календарный миф? То есть, через пятнадцать тысяч лет археолог найдет обнимающееся изображение мой семьи и посчитает это за доказательство поклонения нами культа плодородия и связанного с ним календарного мифа? Позвольте, какие же здесь задействованы критерии: доказательность (рациональность), непротиворечивость, эмпирическая проверяемость, системность (когерентность), эссенциальность, однозначность терминов? Эти образы плодородия в виде богинь и тем более умирающего и воскрешающего бога являются, прежде всего, продуктами художественного воображения, относящегося к происхождению повествовательного литературного жанра в той форме, в которой нам сам этот феномен стал известен сквозь безписьменные тысячелетия в пору «дологического мышления», бытовавшего параллельно с логическим. Он восходит к мифу, а миф, в свою очередь, неотделим от обряда, является первоисточником всей духовной культуры и содержит синкретическое ядро религии и донаучных представлений[31]. Нет ответа на главный вопрос: что именно побудило человека архаики к словесному искусству? Ради чего было такое побуждение – для религии или донаучных представлений? Поскольку одно дело культ, другое календарный миф и тогда не отражено, как они классифицировались в сознании древнего человека указанного периода истории? Так, как же нам воспринимать эти пластические предметы? Как точно мы знаем, о чем именно они безмолвно повествуют, чтобы сделать именно такие вышеперечисленные умозаключения?

Далее по тексту: «*Нами было показано, что кремневый комплекс Иерихона «В»* [*примечание автора*. IX—VII тысячелетий до н. э.] *корнями уходит в Европу и связан со свидерской культурой*»[32]. Появление земледелия и «*связанный с ним календарный миф»*[33] согласно хронологии - Культура Неа-Никомедия (Северная Греция, Македония; 6230±150 л. до н. э.)[34] — это признается как ранее земледелие в Европе. Контекст мысли автора статьи находится в смысле языка – «*афра-зийско/прасемитский земледельческий*», «*пост-свидерский/тахунийский евразийский*» и «*производным от бореального языка, т.е. раннеиндоевропейский(РИЕ)*». Здесь можно согласиться с формулировками как научными, но не обязательно истинными. Но это мелочь и малая деталь и это не является пыткой придраться к стилю и приверженности к той или иной концепции классификации и происхождения языков. Однако, в таком контексте статьи, если судить о появлении земледелия в общеисторическом плане, то выясняется что сельское

---

[30] Николаева, Мифология..., Стр.35

[31] Мелетинский Е. *От мифа к литературе*, Учебное пособие по курсу "Теория мифа и историческая поэтика повествовательных жанров" М., 2001 предисловие

[32]Николаева, Мифология..., стр.35

[33] Там же, стр.34

[34] Блаватская Т. В., *Ахейская Греция во втором тысячелетии до н. э.,* М., 1966.

хозяйство началось независимо в разных частях земного шара[35], и включало разнообразные таксоны растений, по крайней мере, в 11 отдельных центрах происхождения[36]. С чего автор знает что именно с такого-то центра земледелия тянется календарный миф и вообще является ли это продуктом постадийного развития единого образа во всех центрах и они чем-то связаны. Даже если и так, то это необходимо показать в чем она заключается и какие из этого делается вывод в этом контексте?

Другое отхождение от критериев истинности обнаруживается в анализе Николаевой, где перечисленны языки, которые довольно отличны друг от друга в смысле общности. А раз есть различные языковые семьи, то есть такое понятие как лингвистическая относительность, постулирующая какое влияние лингвистические различия оказывают на человеческое познание и поведение. Язык влияет на определённые виды когнитивных процессов, хотя и неочевидными путями, но иные процессы и сами являются субъектами по отношению к универсальным факторам. Исследования сосредоточены на том, чтобы обнаружить эти пути влияния и определить, до какой степени язык влияет на мышление. Это имеет отношение ко многим значительным философским, психологическим, лингвистическим и антропологическим дебатам. Основной спорный вопрос формулируется так: являются ли высшие психические функции по большей части универсальными и врождёнными или же они представляют собой преимущественно результат обучения и варьируются в зависимости от места и времени. Другая точка зрения заключается в том, что разные культурные группы обладают разными концептуальными схемами восприятия мира. Это обстоятельство стоит на пути понимания религиозного феномена и образов в мифологии, развивающиеся постадийно от культуры к культуре, как следует из анализа рассматриваемой статьи. Следовательно, несмотря на ожесточенные дисскусии в четком понимании этого, Николаева исходит из того, что все люди независимо от культуры и языка познают и воспринимают мир, основываясь на неких общих принципах и будут обладать похожими или даже идентичными базовыми когнитивными паттернами. В итоге Николаева производит такие построения на остро дебатирумых основаниях реконструкции образа архаического мышления и его оценки современным исследователем. Если это и так на самом деле, то необходимо это все проанализировать на примерах и показать что было условием такой действительности. Если же рассматривать образы в мифологии (Великой Богини, Умирающего и воскресшего бога), развивающиеся постадийно от культуры к культуре, то для этого было бы целесообразно как минимум отразить в чем конкретно имеются признаки передачи идей и образов и их связи от культуры к культуре и языку, социально-экономические предпосылки и формы передачи информации.

Этот же принцип лежит в основе анализа в случае утверждения Николаевой: «*Еще в Европе евразийцы ..., приручили собаку(волка*)». Как это можно точно знать только ли в Европе приручили собаку? Если первоначальная популяция волков, которые были одомашнены в собаку раскололась на восточную и западную евразийскую группы. Эти две группы, прежде чем вымереть, были независимо одомашнены в две разные популяции собак между 14 000 и 6400 лет

---

[35] Stephens, Lucas; et all.. (30 August 2019). "*Archaeological assessment reveals Earth's early transformation through land use*". Science. 365 (6456): 897–902. doi:10.1126/science.aax1192. ISSN 0036-8075.

[36] Larson, G et all…, (2014). "*Current perspectives and the future of domestication studies*". PNAS. 111 (17): 6139–6146. Bibcode:2014 PNAS..111.6139L. doi:10.1073/pnas.1323964111. PMC 4035915. PMID 24757054.

назад. Западно-евразийская популяция собак постепенно и частично заменялась восточноазиатскими собаками, завезенными людьми, по крайней мере, 6400 лет назад[37]. Вопрос о том, где происходило одомашнивание собаки, остается дискуссионным, однако обзоры литературы показывают, что наиболее вероятными независимыми центрами являются - Центральная Азия, Восточная Азия и Западная Европа. Хорошо, скажет критик этого анализа: эти новые данные были опубликовани либо одновременно, либо спустя два года с момента публикации анализируемой статьи. Хотя дебаты по этому вопросу уже были до публикации и они все же уже тогда были малообнадеживающими для таких формулировок. Тогда, что сказать о таком критерии как предсказательная возможность, способность к развитию как критерии истинности, когда уже заведомо автор основывается на дискуссионных вопросах без пояснения путей преодоления этих разногласий?

Не соответствует критерию истинности пассаж: «*на следующей ступени эволюции эти представления адаптируются к новому хозяйственно-культурному типу, пастушеству*»[38], потому, что после этого утверждения приводятся свидетельства не имеющие отношение к такому выводу либо не имеют достаточной убедительной силы, так как не согласовано с другими знаниями в соответствующих областях науки. Все эти перечисленные предметы и признаки только своим существованием не могут быть признаны как эксклюзивное указание на «*фиксацию новой функции богини как покровительницы скотоводства*», для убедительного целостного отображения существенных связей определенной области действительности и как знание, согласованное с другим знанием.

Подитоживая критический анализ, уместно было бы отметить и замечания общего характера. Способ определения хронологии отдельных мифов, их частей, локализация возможна по нисходящей: от основополагающих мифологем к более частным. Тогда такой подход видится о двух концах. С одной стороны хронология и локализация будет всегда весьма размыта в датах и местностях, а с другой – остается одна надежда предложить что-то более конкретное для локализации и датировки частных форм мифа до конкретных захоронений и конкретных дат, если такое возможно при полном междисциплинароном исследовании. А только последнее может оказать для методологии науки практическое значение и для помощи в решении таких общецивилизационных проблем, как корни Европы, к примеру. Но почему бы не попробовать начать исследовать локализацию и датирование с частных персонажей мифов, и на этом строить более солидную базу науки, закрепленную конкретикой точных мест и времени?

---

[37] Machugh, David E.; Larson, Greger; Orlando, Ludovic (2016). "*Taming the Past: Ancient DNA and the Study of Animal Domestication*". Annual Review of Animal Biosciences. 5: 329–351.

[38] Николаева, *Мифология*..., Стр.37